НАДИ РАЙДЕР

НЕ ОТВОДИ ГЛАЗА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Нади Райдер
Не отводи глаза

https://litres.ru/74712789
SelfPub; 2026

Аннотация

Представь, что ты живешь на острове, в маленьком поселке. Растешь с родителями, которые тебя бьют и мучают молчанием. Отец пристает к тебе, а мать не обращает на это внимания.

Но у тебя есть мечта! Сможешь ли ты ее осуществить, несмотря на препятствия?

Эта история именно о такой девочке. О многих из нас.

Получится у нее или нет?

Нади Райдер
Не отводи глаза

1

Весь наш двор замело снегом, но ты всё равно пришла.

Сквозь сон я слышала, как мама дернула штору:

— Лиза ждет, поднимайся!

Я спряталась под одеяло. Мама собирала со стола грязные тарелки и кружки, говорила мне, что я свинья. Но я не была свиньей, я просто ненавидела есть за столом с родителями. Потому что отец рассматривал меня, точнее пялился не отрываясь, хотя я просила не смотреть, потому что неловко и мерзко, а мать утверждала, что я грублю.

Ты смотрелась в зеркало в коридоре, ты всегда так делала, крутилась возле него, мой отец сказал бы тебе:

— Не крутись, что за моду взяла? Иди лучше матери помоги

Мама дернула одеяло. Я хлопала по прыщавой лопатке, пытаясь найти его снова. Мама сердилась.

— Тебе не стыдно?

— За что?

Я встала.

Пошла в ванную, хотя не хотела идти, точнее не хотела смотреть в отражение. Включила кран, долго трогала воду. А когда посмотрела, заплакала: надо замазать это беспонтовое месиво. Или вырезать в зеркале дырку. А лучше разбить. И зеркало, и эту еба́ную рожу.

Давила прыщи, мечтала найти его: главный прыщ, как Алеф в подвале. Нажав на него, выдавить все прыщи сразу. И стать наконец-то чистой.

Мама открыла дверь в ванную

— Опять давишь?

— А что мне делать с прыщами?

— Не знаю. У меня этой дряни не было. Лучше скажи зачем ты испортила волосы?

— Хотела быть как Кобейн

— Кто это?

Мама открыла дверцу титана, засунула внутрь кучу использованной туалетной бумаги

— Иди, тебя Лиза ждет

Мама ушла. Глаза у меня уже были, как у Кобейна, я взяла карандаш, и еще раз обвела их по кругу. Потом взяла папину бритву. Волосы в подмышках здорово отросли, уже стали мягкими. Я пошебуршила ими: была не была. Быстро побрила сначала одну, потом другую подмышку, тщательно вымыла бритву. Отец орал на меня, когда находил мои волоски между лезвиями.

Я вышла. Натянула колготки, штаны, свитер на белую

майку. Свитер купила бабушка, он до сих пор пах ее духами. Магнитофон тоже подарила она. Цветные карандаши, кассеты, постеры на стене. Всё в моей комнате, кроме кровати, стола и стула, было куплено бабушкой. Даже книги на книжной полке были из бабушкиной библиотеки.

Я шла по коридору на кухню. Твой голос становился всё ближе и ближе. Мама слушала тебя, облокотившись на угол плиты, согревая спину теплом от горящей конфорки. Ты говорила про школу. Нет, не про руку Артема на юбке, не про месячные на стуле, не про то, что тебе порезали куртку. Но про глупую стенгазету, про сочинение ветеранам, про сложную литературу девятнадцатого века, про вымытый лучше всех класс.

Мама кивала, а ты ела варенье ложкой и запивала чаем.

— Сбегай отца позови, может выйдет

— Не хочу я

— Иди позови сейчас же

— Я не буду его звать

Я посмотрела на тебя. Ты сидела с остатком бутерброда в руке и икала.

— Ничего попросить нельзя, – злилась мама

Она ушла во двор. Я кинула хлеб и сухую воблу в пакет, чтобы позавтракать позже. Вобла была беременная: с икрой.

— Пошли?

— Наконец-то, я курить вообще-то хочу, - сказала ты

Помню, я взяла санки из гаража, и мы побежали скорее на реку. Бежали то ли от радости, то ли чтобы согреться. Мы бежали так быстро, что санки спотыкались и вобла упала в снег. Серебрилась, блестела на солнце. Как мертвое может блестеть, вот скажи мне? Мертвое пахнет, гниет. А она блестела.

Я оторвала рыбе башку. Жирная. Содрала с нее плавники, любимая часть. У них был особенный вкус, не такой как на ребрах и спинке. Ты любила хвостик. Клала его в рот и сосала всю дорогу.

Мы шли мимо заснеженных домиков. На домиках лежал снег. На снегу были кошачьи лапы. Тетя Наташа копалась во дворе. Она нагнулась, поэтому нас не видела. На ее порванной куртке была грязь. Видимо, опять напилась своей самогонки и упала где-нибудь в огороде.

Дорога тянулась в поле, дома постепенно оставались вдали.

Мы стояли у развилки. Ты сказала:

— Куда пойдем? На ерек или попробуем с пляжа?

Хотя здесь куда не пойдешь, везде будет берег. Это был остров. А остров – это могила. Так говорила моя мать. На острове мы резали лески, латали лодки, меняли овощи на молоко и ждали вместе с родителями бухгалтершу возле выхода из «Сберкассы». Когда она выходила, мы обступали ее

со всех сторон и твердили одно и то же:

— Зарплата… Не пришла еще? … А когда будет? …А когда нам подойти? …Ну вы уж позвоните еще раз, Елена Георгиевна

А когда зарплата приходила, мы просили, чтобы выдали старыми. Елена Георгиевна говорила:

— Нет теперь разницы тысяча или миллион

А мы всё равно:

— Ну вы дайте все-таки миллион

«Верить теперь никому нельзя» – так говорил мой отец.

В тот день мы решили пойти на ерек. На большую Волгу вставать в январе было опасно, лед казался плотным, но если ночью прошел ледокол, лучше было не рисковать. Ерек был узкий, толстый слой льда на нем был надежнее, чем бетон. По краям торчали желтые камыши, а в камышах под водой были колючие окуни. Чтобы до них добраться, нужно было проделать лунку.

Сделать лунку было непросто, поэтому сначала мы искали чужую. Мы осматривали жухлый камыш, раздвигая его руками. Лунки не было. Мы не знали, возиться ли с новой. Ты достала сигареты.

— Был только вонючий родопи, – сказала ты, – И те нашла в дырке кармана, надеюсь отец не спалит

— Мой больше не курит, бросил. Зато пьет все подряд. И лезет

— Опять приставал?

— Положил свою голову мне на колени лицом и прижался к пизде

— Урод. Надо заявить на него. Отцу моему отнеси записку

— И что я там напишу?

Ты вздохнула. Чиркнула. Аромат сгоревшей спичечной шляпки мягко кромсал воздух. Солнце, хотя и зимнее, грело. Ты расстегнула куртку у шеи. Приподняла шапку, голова под шапкой вспотела, и влажная рыжая челка прилипла ко лбу. Глаза под ней – водоросли. Нос – поплавок. Губы – рот рыбы. Я улыбнулась, и ты это увидела, а что мне еще оставалось? На мое лицо твой бог блеванул и не вытер, я любовалась твоим.

Ты протянула сиги и коробок. Я чиркнула один раз, второй и подожгла поселок: библиотеку, где работала мама, потом гараж с папиным Запорожцем, потом всю эту степь с торчащей из-под снега сухой травой, и даже высоковольтные вышки, беспрерывно гудящие. Бесстрашно. Бесстрашно. Бесстрашно.

Спичка обожгла мне пальцы. Я затрясла рукой.

— Эй ты чего?

— Задумалась

Потом прикурила. Вкус у сигарет был шершавый, коричневый, грубый. Как если бы я курила наждак. Появились

«вальты». Состояние от первой глубокой затяжки, принятой на голодный желудок. Степь была белая, заканчивалась нигде, точнее там, где другая паромная переправа. Другое село. Я там никогда не была, отсюда его не было видно. Мы ездили только в город. И только два раза в год, чтобы купить одежду.

Ты снова закурила и вдруг замерла. Звук мотоцикла был слышен издалека, мне казалось, я чувствую запах бензина, хотя никакого запаха не было, но всё равно всё было ясно – он приближался. Моя сигарета упала в снег.

…

В мотоциклетной люльке под серой попоной шевелилась рыба. Дергалась. Дышала ртом – точнее задыхалась. Губы были целые, глаза уставились в темноту.

Дядя Валера глядел на тебя. Ты продолжала нагло хватать сигарету губами. Мы молчали. Было слышно только, как бьется в припадке рыба.

— Ну че, сколько поймали сегодня?

— Мы только приехали, – сказала я

— Ветер поднимается, нечего тут сидеть. Прыгайте, отвезу

— У нас санки, мы сами вернемся, пешком

Дядя Валера слез с мотоцикла и откинул попону.

— Ведра давайте, – скомандовал он.

Окунул одно ведро в люльку, потом второе. Два полных ведра стояли около нас. Ветер действительно поднимался, дядя Валера был прав, я чувствовала, как мелкий колючий

снег забирался под шарф. Ты застегнула куртку. Дядя Валера вытер лицо рукой, поднял голову и прищурился:

— Красота, – сказал он.

А мы стояли и думали: да когда ж ты уедешь, оставишь нас тут одних с метелью наедине, не волнуйся за нас, садись, уезжай. Вытерев лицо еще раз, он сел на свой Иж и еще раз взглянул на тебя.

Мы обе знали, что это значит.

Он расскажет все твоей матери. И мать не спросит про деньги на сигареты. Не скажет, что это гадость. Не расплачется, не станет требовать никаких обещаний. Она просто тебя побьет. Ты будешь стоять на коленях, прикрываться руками, она будет запрещать тебе прикрываться, тогда ты научишься держаться за бедра. Вздрагивать тоже нельзя, плакать тем более. Этого ты пока не умеешь.

Потом она не выдержит, и все-таки позвонит тете Поле, жене дяди Рафика, и скажет, что ей было очень стыдно, много раз скажет стыдно, положит трубку и презрительно скажет:

— Сгинь

Ты уйдешь в комнату и прижмешься к теплой трубе над кроватью. В трубе будет шум. Шум тебя успокоит.

Но это будет потом.

А в тот день мы докурили всю пачку. А на обратном пути распевали Нирвану, шаркали снег ботинками, а потом вдруг бежали, смеялись и падали в сугробы спиной.

Мы лежали в степи на краю настоящей жизни. Огромной, вместительной, как река для покойника.

Отец Илия попросил подать ему хлеб. Я бросила ложку, привстала, потянулась к хлебнице, но хлеб подала Лариса.

— Вечно ты лезешь, - сказала я

— Не сердись, Лиза, давай я пододвину, в следующий раз ты подашь

Лариса улыбалась, дьякон икал.

— Отец дьякон, налить вам водички?

— Не переживайте, Лариса, я сам

Дьякон поднял графин с водой, налил в чашку и выпил. Отец Илия спокойно ел суп. Он всегда в тишине, знаешь. Если рядом нет никого, что-то шепчет себе под нос. Молитву Иисусову или Отче наш. Четки черные перебирает. Я просила его подарить мне такие же, он связал похожие, только меньше, тридцать три узелка.

Я свой суп съела быстро, встала из-за стола, пошла к двери, никто меня не окликнул, никто не сказал: куртку надень, там же холодно. Я вышла во двор.

Весна была ледяной, солнце ярким, но равнодушным. Я стояла без куртки, ветер играл, забирался под юбку, трогал колени, я сжалась. В глубине двора пес Мейсон слизывал с камня замерзший борщ. На другой стороне возле ворот сто-

яли двое: одна на костылях, другая обычно. Та другая крикнула:

— Нам настоятеля надо. Здравствуйте!

— Он обедает. Подождите в церковной лавке

— Ой, а она закрыта!

— Сейчас открою

Я вернулась в трапезную, надела куртку, в куртке были ключи.

— Там посетители, к вам отец Илия

— В лавке пусть подождут, я сейчас

— Да, я уже сказала

— Так пусть поедят, с дороги-то, - предложила Лариса

— Это правильно, Лариса, молодец, - похвалил ее батюшка, - Лиза, позовите их, пусть проходят

Посетительницы согласились. Та, что хромая, мне сначала понравилась. Та другая - нет. Но другая уехала, а эту костыляншу звали Машенька. Машенька сказала мне:

— Ты красивая

— Ты тоже, - ответила я

— Врешь ты все, - засмущалась Машенька

Когда мы закончили трапезу, я вернулась в келью. И села писать тебе какое по счету письмо? Двенадцатое. Письма тут, под одеждой в шкафу, запечатанные, с адресом. Я напи-

сала твой старый, нового я не знаю.

…

Помню, на следующий день после рыбалки я с побитой жопой утепляла курятник. Латала щели, делала новый настил. Чистила пол от куриных какашек. И трогала курочек. Зимой они мерзли и тянулись в руки, искали тепла. Иногда я садилась на их перекладину и обнимала их, а они, нахохлившись, окружали меня.

Отец был на службе со вчерашнего дня, до сих пор не вернулся. Мать была даже рада.

В прошлый раз он сказал:

— Не бей Лизку.
— Да я и не била
— У нее полосы на ногах
— И как же ты разглядел, куда пялишься?
— Слышь, Эля… Не бей ее, я сказал
— А то что ?
— А то то. Тебя побью
— Не осмелишься

Отец схватил мать за шею одной рукой.

— Пусти, - прошипела она

Он отпустил. И тут же ушел во двор. Колол там дрова весь вечер. Дрова лежали повсюду: в гараже и возле него. К ночи снова поехал на вызов.

Сейчас сижу, думаю: мы были счастливы там, у реки. Там

шумели деревья, и дергалась леска на сторожке. И даже когда находил ураган и ронял наши ведра с рыбой, мы не спешили домой. Деревья нервничали, трепали волосы, ласкали шею листвистыми веточками. Кусты задевали бедра. Но мы ждали всегда до последнего. Пусть будет дождь, пусть промокнем. Пусть прилипнет одежда и кожа покроется цыпками. Пусть молния ударит в мокрое дерево, нам не страшно. Это лучше, чем вернуться домой.

Мать тоже знала, что мы любим пропадать у реки, поэтому придумала новую пытку: домашний арест.

3.

Возле дырки в сортире учительница нашла коробок с коноплей. И что она там забыла? У них же свой туалет, теплый. Ты в этот день не пришла, а мама твоя всем говорила:

— Это не моя, моя заболела. Моя дома сидит. Температура, понос

— Так что ж вы с ней не остались, Эльвира Талгатовна

— Так ей с утра было легче, всего 37. Она так хотела прийти, но я запретила, не заражать же других детей.

— Правильно, - отвечали учителя, - какая вы хорошая мать, Эльвира Талгатовна. И учитель прекрасный, хоть и без образования специального.

Эльвира Талгатовна хмурилась, когда слышала про обра-

зование, говорила в ответ, что она учитель от Бога.

— Это правда, - соглашались учителя, - а ваш муж когда придет? Мы ему позвонили!
— Так сейчас и придет, он у меня ответственный!

Пришел участковый. Технички засуетились:

— Здравствуйте, Григорь Саныч
— Здравствуйте, здравствуйте. Слышь, Раис Иванна, ну кто? Кто сразу скажите

Тетя Рая что-то шепнула ему. Дядя Гриша все понял. Пришел к нам в класс. Сел за учительский стол, в животе у него заурчало, мы рассмеялись, но он покашлял и мы заткнулись.

Он отряхнул свои погоны и посмотрел на меня:

— Я видел твоего отца, Гордей

Я покраснела.

— Куда это он ездит, а?
— В город, - сказала я
— А на похоронах он был?

— Был.

— Был. А точно был, он же сзади шел, гроб помогал нести. Ну так вот. Все знают кого хоронили?

— Все, - ответили мы

— Нормально. Молодцы. Серега был наркоман. Это тоже знаете да?

— Да, - ответили мы

— Хотел реку переплыть в такую-то холодину. Черт его дернул под наркотой. Мы нашли его мертвым возле моторной лодки. Голого, кверху жопой. В лодке еще белуга лежала. Вспоротая, без икры, но мы все равно ее взяли, башка у нее знаешь какая наваристая?

— Знаем, - кивали мы

Конечно, мы знали про то, какая огромная и жирная башка у белуги, и про Серегу знали. Он был Васькин друг. Серегу мы провожали на кладбище, как положено, всем селом. Хотя и не плакали, не рыдали. Хоронили без крика, без чести. Наркоман, вздыхали женщины с облегчением, прижимая сыновей к подолу. Наркоман, мрачно говорили мужчины, прикуривая сигарету от сигареты.

Ему было всего двадцать пять. А они все равно говорили:

пусть уходит. Пусть улетает в небо. Или спускается в ад. Зачем он нам нужен. Соблазнять наших детей. Подсаживать на наркотики.

Только проститутка Анжела Кувалда уселась прямо на рынке, на грязный от рыбы прилавок, колени прижала ко лбу, и рыдала, как рыдают в кромешной тьме, зная, что никто не услышит.

На перемене твой отец подошел ко мне и сказал:

— Женя, это… Лиза дома. Неделю ее не увидишь. Мать посадила ее на домашний арест

Я растерялась. И зачем-то сказала:

— Можете письмо передать?

Хотя никакого письма еще не было. И писать я не собиралась, но я почему-то спросила. Дядя Гриша задумался

— Хорошо, занеси мне в опорку
— Ладно
— Это, слышь… Не знаешь чей коробок?
— Нет, правда, не знаю

— Ну давай, – сказал он

И ушел. Я смотрела ему вслед и думала: странно, когда взрослые тебе помогают. Обычно они говорят: неправильно, это тоже не так, это не по-русски, а это не по-людски. Но мне оставалось немногое: риск, ручка, листок, письмо.

Сначала я написала: Мы с тобой — это юг. А они все – холодный север. А дальше написала рассказ про рыбалку.

Сразу после уроков отнесла письмо твоему отцу. Стоя в дверях, спросила:

— А где вы видели моего отца?

— На той стороне. Они дрались с твоей матерью. Я ходил разнимать.

— Он был пьяный?

— Да. И деньги с собой не привез

— И это вы знаете

— Ага. Но я дал твоей матери банку икры, все лучше, чем ничего

— Спасибо

— Слышь, давай, это, дверь там закрой, дует же

Домой я пошла окольными путями, сначала по тротуару прыгала со считалочкой: кто на линию наступит, тот и Гит-

лера полюбит. Затем завернула к берегу. Паром возвращался с той стороны. Я остановилась и представила, как мать с отцом стоят друг к другу спинами на пароме, а паромщики вежливо говорят:

— Давно вас не было, дядь Коль, вы надолго? Сигарету будете?

Он, кутаясь в черную куртку, разодранную на локте, покашливая, соглашался. Курил, шмыгал носом, смотрел в проем между баркасом и палубой. Проем между баркасом и палубой - страшный. Если упадешь туда ночью, никто не заметит. Пополнишь ряд мертвецов. А мать, что мать, плакала и слезы текли ей в рот, мать вытирала их и все равно плакала.

Все еще не желая возвращаться домой, обходя знакомые кусты и лавочки, я зашла погреться в Стекляшку, покрутилась возле витрины. Продавщица сказала:

— У тебя денег нет, Гордей, чего крутишься?

— Откуда вы знаете?

— Оттуда, что мать твоя мне должна за картошку и за сосиски

— У меня свои

— Тогда говори, что будешь брать, я закрываюсь

— Я передумала, до свидания

— Передай матери, чтобы вернула! - крикнула она вслед

Я вернулась домой, дома пахло дровами, мать затопила титан. Набрала горячую ванну для отца, он туда лег и расставил ноги. Наверное, мылом натерся хозяйственным, даже голову им помыл и подмышки. Лежал, размышлял: «что интересно будет сегодня на ужин. Сосиски с макаронам или с пюре? Что сегодня готовит моя жена, моя бедная, худая жена в цветном халате, который сшила ей моя теща. Моя худая жена в тапочках из собачьей шерсти, которые связала ей моя ненавистная теща. Моя теща никогда ничего мне не дарит, хоть бы бутылочку пива «Волжанин» мне привезла, а то приходит с пустыми руками».

— Спинку потри мне! – услышали мы из ванной
— Помоги отцу
— Ни за что! Только не я

Мать цыкнула.

— Иду, Коля! …Сосиски закинь в воду

Когда он вылез, мама подала ему полотенце. А мне приказала слить воду. Вся вода после него была в серых ошметках. Я убрала затычку и ошметки закружились над сливом, как птички.

Мама любила, когда он приезжал. Иногда, он привозил деньги. Сегодня он привез резиновый коврик. Мы положили коврик за дверь. И даже кинули ключ под него, а потом достали.

— Видишь, как удобно, - говорил отец.

Мать ответила, что ее зарплаты библиотекарши ни в какую не хватит на месяц. А значит надо звонить бабушке.

— Опять ты про деньги, все настроение испортила. Даже есть не хочу
— Надо поесть, Коля, ты похудел
— Ладно, - сердито соглашался отец, - че там, сосиски?
— Да
— У Хабаловой в долг брала?
— Нет. В Стекляшке. А что?
— Ничего. Торгаши проклятые

В тот вечер, вспарывая желток кусочком хлеба, я сказала, что тоже хочу сосиски. На что отец стукнул по столу и сказал:

— Вот, сука. Как ты ребенка воспитываешь? Вечно ей мало. Будет коровой, как ты
— Коля, она ребенок, не понимает пока, как деньги тяже-

ло достаются

— У Горбатого денег попроси

— Коля не начинай

Когда отец вспоминал Горбатого, лучше было уйти. Я ушла, я убежала в комнату, открыла тетрадь и снова написала тебе. Написала вот что: знаешь, Лиза, что у моего отца голубые глаза? Такие же, как у меня. Но отец мой злой, он нас не любит, хотя мама все время твердит: вы не знаете его, он другой, он просто упал, а вы его добиваете, бог вас накажет, а Колю спасет. Спасет как же. Я ненавижу есть за столом с родителями.

4.

— Батюшка, - позвала я его, - Филарет ключи потерял от кладовки

— Лиза, ну что вы переживаете. Филарет разберется. Помогите лучше Алле.

Сегодня батюшке сорок пять. На его черной густой бороде белые трещинки. Еще с утра он болел, лежал с легкой температурой. Простыл на реке. А теперь ворчал на меня, а я же о нем заботилась. Там в кладовке аптечка.

Я ведь тоже простыла в тот день у трапезной, подхватила

цистит. Но потом даже обрадовалась. Ведь отец Илия пришел ко мне в келью, сел на край кровати, спросил меня почему не пришла на службу. Заболела, наверное? Я погладила низ живота. Он заметил мой шрам над губой. И я все ему рассказала. Про мать, про отца, про наш мистический остров. Про тебя, про десантника, про Асель. Еще про призвание, про чутье, про мой длинный путь в монастырь. Отец Илия перекрестил меня и чмокнул в лоб. Так я узнала, как пахнет его дыхание.

Оставшийся вечер я, счастливая, пила горький отвар укропа и сидела на унитазе. Сидела, смотрела на кафель. На мокрую дверь кабинки. На шланг, небрежно висящий, как трубка от телефона. На полку с шампунем. На полотенце, забытое утром Ларисой.

Сырость. Сырость. Сырость.

Думала: может быть, мне вернуться? К тебе в Петербург, в нашу комнату на Фонтанке. Вернуться, чтобы снова сидеть на лестнице по утрам, курить и здороваться со старым соседом. Кусать твое плечо в шутку и придумывать странные рифмы к словам. Не врубаться, почему подъезд называют парадной, а чинарик хабариком. Слушать твои разговоры о смысле страдания в творчестве, и вообще страдает ли автор, если автор, как автор, мертв. Ты рассуждала так глубоко, так

умно, а я считала секунды до того, как ты скинешь меня с плеча.

Сегодня батюшке сорок пять.

Ты бы сказала: сорок звучит как «шкрябает». Или «шаркает», или «сморкается» или «срам». В общем, старый, сказала бы ты. А ты стариков-то видела? Ну бабушка твоя, ладно, хотя и она не была такой уж старой. Вот прошлый настоятель отец Андрей, тому было восемьдесят или сто, я таких старых не видела, он еще и беззубый был, смешно шепелявил:

— Лизонька, чему ты порадовалафь фегодня?

— Не помню, чему порадовалась, – огрызалась я

Ему можно было грубить. Он смеялся над грубостью, ему она даже нравилась. А потом он ушел в небеса, умер, короче, и мы ругались между собой, кто останется в трапезной, а кто пойдет мокнуть на улицу. Такой дождь был в день похорон! Дождь заливал могилу, монахи устали пока возились. Вымазались, как бродячие псы. Но когда принесли гроб, вышло солнце. Монахи переглянулись, сказали: это не просто так. И крестились, крестились.

А отцу Илие всего сорок пять. Ему на день рождения прихожане привезли яблоки, груши. Мы положили их в большую плетеную миску. И когда после обеда батюшка снова затягивал проповедь, мы скучали и ели фрукты. Почему он не обижался, ведь мы почти что не слушали?!

Я держала ладонь под подбородком, чтобы грушевый сок не попал на платье. Но подол все равно оказался в мокрых и липких пятнах. В самом конце отец Илия сказал:

— Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце

А я сидела и думала: у меня в руке остался только жалкий грушевый хвостик, а он ни разу на меня не взглянул. Солнце он хочет видеть, ага, а какое тут солнце? Может быть, только поздней весной или летом.

5.

В Петербурге апрель разогнал тепло до семи. Я прижалась коленями к батарее, зыркала на весну, такую неопрятную, раннюю. Вспоминала тебя. Как ты звала меня у калитки:

— Мать меня выгнала, пошли гулять!

Я впрыгнула в сапоги, надела куртку на руку, а второй не

могла найти рукав, и бабушка помогла мне, приговаривая, точнее отговаривая, называя тебя деревенщиной. Она говорила, что мать твоя малограмотная, только семь классов кончила, значит и ты глуповата, глуповата и миловидна, бабушка говорила – это опасное сочетание. Но ты не обижайся, бабушка про всех говорила плохо. И профессии ей не нравились: торгаши – позор, библиотекарь – мелко.

А маме нравилось работать в библиотеке, она долго стояла меж стеллажами, подбирала для читателей книгу. Иногда она говорила им:

— Эта написана плохо… Тут плохой перевод…Возьмите лучше другую, сейчас я вам принесу…

Обычно все соглашались, и тогда мама бежала вприпрыжку назад за стеллаж, и только наглый звонарь Костик отказывался:

— Не надо мне ваш перевод, я люблю тот старый, безмозглый, как вы выражаетесь

Тогда мать цедила сквозь зубы:

— Вовремя верни, не как в прошлый раз

…

В тот день, когда ты пришла к моей калитке, мне исполнилось пятнадцать лет. Приехала бабушка, обняла меня сразу же на пороге и только потом разулась. Свои маленькие полусапожки она аккуратно поставила у стены. Я заметила, что они совсем не грязные, только каблук немного забрызган. Рядом стояли мои, вымазанные грязью доверху, резиновые сапоги.

Бабушка крикнула:

— Колька, еще раз узнаю, чушкам тебя сварю

Отец кинул пульт от телевизора, схватил куртку и вышел. Бабушка хохотала:

— Беги, беги, гнида мохнатая

— Коля, куда ты? – мать выбежала из кухни

— Оставь его, все равно бы ушел, – сказала бабушка, снимая пальто

— Коля!… Конечно, ушел бы, каждый раз оскорбляешь. Мама, ну что ты за человек?

— Что ТЫ за человек, лучше расскажи мне… Держи пальто

Мама вынула вешалку из гардероба. Всунула ее в рукава пальто, отряхнула, сверху накинула красный шарф и берет бабушки.

— Как добралась, мама? Долго паром ждала?

— Долго. Залезла в эту дыру, не добресся. Говорила тебе, оставайтесь в городе. Квартира большая, я тебе место в университете целый год берегла, никому не отдавала. Ты за этого неудачника вышла. Он теперь Женьке жизнь портит, лапы распускает

— Ты же прекрасно знаешь, что его сократили

— Написал бы диссертацию, не сократили бы

— Ну кто же знал тогда? А тут квартиру давали, а так сколько бы ждали? И не дождались бы

— Я ждала больше, ничего, дождалась. На уши он тебе присел, ты и рада, хоть кто-то внимание обратил

— Мама, хватит!

— Приезжайте ко мне, я все равно скоро помру. А ты… хоть и страшненькая, авось встретишь кого. И Женьке учиться

Эх, Лиза, знала бы ты, сколько раз бабушка звала нас к себе. И я уже почти потеряла надежду, но в тот день мама ответила «да». Я сразу же пошла к себе в комнату, рассказала все Курту, пообещала забрать с собой.

После обеда мама ушла в гараж, понесла отцу чай и остатки торта. А мы лежали с бабушкой на кровати, и бабушка рассказывала, что в далекие-далекие времена она тоже была девочкой. Девочкой в военное время. Она варила кашу из кукурузы, пила отвар чабреца и очень любила книги. В те годы не все дети учились в школе, но бабушке повезло.

Ее отец – профессор Исаак Иосифович преподавал литературу в педагогическом институте, бабушка мечтала быть, как он.

В тот день она вручила мне книгу и серьезно сказала:

— Не думай, что это просто слова. Это музыка. Настоящая музыка.

А я подумала, как это музыка? Там же нет нот. А потом открыла и прочитала вслух:

— Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным…

Бабушка легла на кровать и сказала:

— Продолжай

— Его отец – настоящий Лужин, пожилой Лужин, Лужин, писавший книги, – вышел от него, улыбаясь, потирая руки, уже смазанные на ночь прозрачным английским кремом, и своей вечерней замшевой походкой вернулся к себе в спальню. Жена лежала в постели…

— Сволочь, – перебила бабушка, - Так пишет, что я боюсь умирать. Как тут умрешь, а вдруг на том свете такое не пишут?!

— Бабушка, ты боишься смерти?
— Боюсь
— А я в восемь лет боялась, а сейчас не знаю
— Ты маленькая, не думай об этом
— Я хочу дожить до ста лет
— Зачем? Ты будешь обузой… Читай давай дальше

Я продолжала, ощущая, как язык становится вязким, как текст поглощает меня словно теплое тугое болото. И вот я почти внутри, а люди смотрят на мою головешку, нервничая: спасайте ее, спасайте. Но я не хотела, чтобы меня спасали. Я хотела остаться там: в глубине того текста, рядом с моей бабулей.

Страницы шуршали, бабушка дала храпуна. Помню, я очень хотела ее обнять, но не знала как. Поэтому я просто

легла на бок и наблюдала как она сопит. Как воздух выходит из носа, а верхняя губа дребезжит. И руки приподнимаются вместе с худым животом. Живот перевязан, сквозь щелку в халате я вижу бинт.

Когда бабушка проснулась, я уже стояла у двери в сапогах и пыталась надеть куртку. Она помогла мне и дала денег на сладости. Я ушла вместе с тобой. Мы пошли в Стекляшку и попросили Кувалду купить нам бутылку водки. Она купила и сказала, что это вообще-то много для двух худеньких девочек. Мы сказали, что это не нам.

К ночи мы выпили все. Мы были пьяные. Мы гоготали, мы выли песни, но я все равно боялась сказать тебе про переезд. И даже когда мы возвращались домой, я все думала, как же тебе сообщить. Дурачась и толкая друг друга, мы добежали до берега, там сели на сваях и слушали, как у парома бурлит кишечник.

— Наверное, мы скоро уедем, – сказала я
— Куда?
— В город к бабушке. Без отца. Он останется тут
— А я?

Я пожала плечами

— Буду писать тебе письма

Мы молчали. Было слышно, как плещет вода о сваи. Ты сказала:

— Пошли давай, поздно

И мы молча пошли домой. Дошли до рынка. Там, у закрытой Стекляшки, стояла Кувалда в окружении трех ребят. Из красных жигулей громыхала музыка. Кто-то из них попросил сигарету.

— Отстань от них, – сказала пьяная Кувалда и прижала парня к себе

Они обступили ее еще плотнее. Кажется, ей это нравилось. Но потом она вскрикнула:

— Больно, дебил!

Послышались шлепки. Анжела захныкала.

На перекрестке ты сказала:

— Ну ладно, пойду я, пока

И свернула к себе на улицу.

— Давай, – ответила я

Повсюду было темно. Только лампочка вдалеке обозначала здание хлебозавода, и фары машины болтались где-то у берега. Люди спали, люди видели вещие сны о том, как встанут утром, заварят чай, молча выпьют, молча пойдут на работу. Накричат на подчиненных, вернутся, посмотрят мыльную оперу, залезут снова в кровать и уснут.

Но моя мать не спала. Она сидела кухне в окружении тишины, скорее всего с маленькой книжкой в руках, зевала, поглядывала на часы, потом на кровать в зале, и терла глаза, потому что свет становился болезненным, а я до сих пор не пришла.

Зайдя во двор, я еще немного постояла под дверью и только потом вошла.

Мать сказала:

— Бесстыжая. Из-за тебя мы никуда не поедем. Кто будет в городе следить за тобой? Шляешься непонятно где

— Да я с Лизой…

— В кровать. Бабушка, бедная, ждет тебя

Я пошла в свою комнату. В комнате было темно. Бабушка, укрытая одеялом, храпела. Я разделась, легла рядом с ней. Вскоре храп превратился в гром, а я оказалась на улице. В темноте двигались огоньки. Они толкались и задевали меня, как задевают в толпе локтями. Я пошла против них. Шла недолго и вскоре наткнулась на дверь.

За дверью была больница. Меня встретила высокая медсестра, она наклонилась ко мне и спросила:

— Девочка, ты к кому?

Я сказала:

— К Гордей Марии Марковне
— Ну пошли, – медсестра взяла меня за руку

Запах в больнице был непривычным, пахло не лекарствами и вовсе не медициной, а подсолнечным маслом, его навязчивой тяжестью и теплом. Вдруг из больничного коридора послышался голос бабушки:

— Машка, ну кто так жарит оладьи? Я тебя так учила? Зачем я вообще тебя родила, отойди-ка…

Хлопнула дверь. Я открыла глаза. Бабушки рядом не было. Ее сорочка лежала сложенная на подушке. Я встала, и сразу пошла на кухню, минуя ванную и туалет. Хотя в туалет хотелось, но из кухни очень приятно пахло. Бабушка крутилась возле плиты. Мамы не было.

— Спала бы еще. Рано, — ласково сказала она

— Да неохота

—Зря. Иногда гениальные мысли приходят, когда валяешься сонный в постели. Твоему дедушке постоянно они приходили.

— А мама куда ушла?

— Коровам хвосты крутить, - ответила бабушка и воткнула нож в банку с вареной сгущенкой.

Я прислонилась к форточке. Мягкая зеленая сетка на ней пахла пылью, но через нее все равно просачивался свежий прохладный воздух. Матери в огороде не было. Дверь сарая тоже была на крючке. Только из гаража слышался шум, отец с утра пораньше чинил холодильник. Он притащил его со свалки и клялся, что воскресит. Не верю я в эти воскрешения, Лиза, не может такого быть.

Бабушка сзади меня уже жевала оладьи. Я повернулась, она рассматривала календарь над столом. Прожевав до кон-

ца, она сказала:

— На картошку его возьмите, с такой-то ножищей

Ван-Дамм с высоко поднятой ногой смотрел с календаря куда-то на стену. А на стене колыхался тюль и ветерок скользил по моим лодыжкам.

Я села за стол и закинула холодные ноги бабушке на колени. Она забыла про чай и принялась растирать их ладонями.

— Лягушка, – сказала ласково бабушка и стала дергать меня за пальцы.

Я не любила прикосновения, но бабушкины терпела, к тому же это действительно согревало, с утра все еще было холодно. Наверное, градусов семь.

6.

— Там блины пожарили, иди есть! – крикнула Машенька через весь огород
— Не хочу, - ответила я
— А чего ты? – она подошла поближе
— Не люблю я
— Странная ты, блины все любят

Я стояла с мотыгой в руках и смотрела на Машу.

Машеньке было всего девятнадцать, она ходила на костылях и собиралась уйти в монахини. Мы над нею смеялись, потому что она флиртовала со всеми, даже с монахами. Легко признавалась в любви. Обнимала: меня, Ларису и дьякона, гладила по спине. Говорила: родные мои, любимые.

Во время службы Машенька лежала на церковном полу. Ей было трудно стоять, а сидеть «недостаточно». Вот и прижималась всем телом к Богу (так она выражалась), а в конце мы с дьяконом ее поднимали. Она смеялась и больно хватала за руку. Говорила: как хорошо, что есть вы, спаси Господи.

Машенька молилась, Машенька крестилась, Машенька ходила в огороде, стучала костылем по капусте, слушала звон.

— Не созрела еще, – негодовала Машенька

Останавливалась, делала козырек из ладони и смотрела на уходящее солнце.

Я крикнула ей:

— Растолстеешь от блинов еще больше

Машенька делала вид, что не слышит.

...

Помню мы сидели около нашего дома и грызли семечки. Швыряли кожурки прямо под ноги. Кругом полыхало лето, а моя кожа так и осталась белой. Только нос покраснел, а твоя кожа стала заметно темнее. Правда, ты ковыряла ее постоянно, мучала то один прыщ, то другой. На твоей щеке в тот день была размазана кровь. Помню, ты заметила, что я пялюсь и сказала:

— Че зыришь?
— Извини, – вздохнула я
— Нет, просто обидно
— Что мне сделать?
— Ничего. Ну или порежь себе лицо, хотя бы немного
— Схожу за ножом
— Я ж пошутила, сиди
— Я сама хочу

Я побежала в летнюю кухню, туда, где часто ночевал отец, курил там, завтракал, слушал магнитофон. Помню, однажды утром, я стояла в дверях, рассматривала его. Яйца так уютно журчали на сковородке, пока он наливал себе чай. Потом

выключал газ, и ел прямо со сковородки: брал горбушку, набирал на нее жидкий желток и жадно кусал. Он стоял спиной и меня не видел. Когда обернулся, отпрянул:

— Чего подкрадываешься?
— Я не специально

А сама прильнула к проему двери, наблюдала. Как он ест, как пьет, одевается. Волосы закидывала себе на плечо и заплетала косичку. Отец ходил по комнате, застегивал рубашку, глядя в пол, попросил заправить постель, вышел. От него очень вкусно пахло, одеколоном наверное.

…
— Чего ищешь, дура?
— Мам?
— Ищешь чего?
— Ничего. Нож нужен
— Нет тут ножа, я все в дом отнесла. Надо мной смеялись?
— Мы не смеялись, клянусь
— Клянешься?
— Клянусь
— Ну и пошла отсюда, че стоишь?

Я проскользнула мимо нее во двор, вернулась к тебе.

Ты безмятежно лузгала семечки

— Взяла?
— Нет. Слушай, побудь со мной хотя бы до темноты
— У меня мать ебанутая, ты же знаешь
— У меня тоже!
— Да что с тобой?

Ты встала, скинув кожурки на землю. Мать снова возникла, так же бесшумно, как в летней кухне.

— Тебе звонит бабушка, - сказала она, — Она приехала из больницы и ждет тебя дома.
— Она врет, никто не приехал
— Лиз, ты чего? Бабушка должна сегодня приехать. Ты же знаешь
— Слушай, не уходи а, - шепнула я
— Иди, иди, Женя, - сказала мать

И ты ушла. Повесила крючок на калитку с той стороны. Он так неприятно скрипнул. Мать стояла в закатных лучах, вытирая руки о фартук. У матери руки загорели гораздо больше, чем у тебя. И кулак был гораздо шире. На голове был завязан платок, а на ногах все время были галоши. Она взяла совок и веник:

— Ноги подними

Я подняла, вжавшись в себя насколько возможно

— Еще раз услышу, что вы надо мной смеетесь, получишь, - сказала она, заметая в совок кожурки
— Хорошо, - ответила я
— Не слышу
— Хорошо, - сказала я громче
— Это еще не всё

Мать смотрела на меня. Я подняла глаза. Она щурилась. То ли улыбалась, то ли пыталась нахмуриться.

— Я не понимаю, когда ты шутишь, а когда нет! - сказала я
— Так это же хорошо! - в конце концов рассмеялась мать, - На, убери в сарай

Она кинула веник с совком у лавочки. Сама ушла в дом. Когда небо осыпало звездами и запели сверчки, свет в доме погас, я пошла в летнюю кухню. Поставила раскладушку, у двери поставила стул. Легла прямо в одежде, крутилась, думала о тебе. Скрип пружин раздражал и заснуть не получалось.

А ты, наверное, спала рядом с бабушкой. Ты, наверное, видела сны. О Петербурге, о том, как ты уедешь туда, будешь,

как Достоевский, или кто там, кого ты любишь. Я в ту ночь тоже мечтала увидеть хотя бы во сне монастырь. Где живут монахини, молодые и совсем дряхлые, красивые от природы, вроде меня и самые обыкновенные. Монахини не дерутся, монахини не сквернословят. Они выращивают цветы в палисаднике, а в огороде капусту. Рано утром они молятся Богу за весь мир.

А я молилась в продавленной раскладушке: хоть бы мать действительно крепко уснула. Ведь если свет в доме выключен, это не значило ничего. Она могла спрятаться за окном, могла подглядывать за мною, могла постукивать, или даже шагать по крыльцу, но похоже мать крепко спала.

Под утро я услышала шум во дворе. На часах было шесть.

— Выходи!

Я вышла. Мать возилась в курятнике, куры кудахтали, прыгали ей на спину. Моя же спина едва разгибалась, в голове было вязко.

— Не выспалась? – спросила мать
— Выспалась почему

Она выпрямилась и протянула мне миску с яйцами.

— Ну иди есть, я блины пожарила
— Со сгущенкой?
— Конечно. Как ты любишь
— Ладно, - я проглотила слюну

Мать расшугала кур, погнала их во двор щипать траву. Сама взялась за мотыгу. Дома, на кухне, действительно стояла тарелка с блинами. Блины были тоненькие, прозрачные. Лежали сплюснутые, один к одному. Я налила сгущенку на блин, накинула края и заточила разом. Облизала липкие пальцы. Пальцы были все равно сладкими, пальцы дрожали.

7

Мне сложно представить, что я могу жить без тебя. А ведь мы познакомились только в школе. Нет, до школы я видела тебя на рынке несколько раз, и там у ларька с жвачками. Папа постоянно тебе покупал. Ларек со жвачками назывался Союзпечать. Однажды мама вернулась с работы, ходила по квартире и как заведенная причитала: союз развалили, союз развалили.

— Какой еще союз? - спросила я. - Тот со жвачками? (Только б не его, только б не его)

— Какая ты глупая, Женя, - говорила мама. – Союз - это страны. Армения, Грузия, Россия…

— А что такое страны?

Мама достала атлас, а тогда я подумала, что это просто какая-то книга или журнал, раскрыла его, и стала крутить пальцем вокруг розового пятна, страницы были старые, желтые, с подтеками наверху, пахли пылью и той маленькой комнаткой на работе у мамы, где стояло ведро со шваброй и веник, я закрыла нос пальцами, как прищепкой и выдала: фу!

Мама выдернула эту страницу, скомкала и кинула в угол. Она никогда не поступала так с книгами, наоборот, мы часто сидели у нее на работе, мазали ленточки клеем, прикладывали ко шву меж страницами и плотно придавливали рукой. Мама протирала их мягкой тряпочкой, давала чуть-чуть полежать, а потом относила на полку.

Мама открыла сервант, достала звездочку, и сказала:

— На, ты же хотела
— Это ж для школы. Я в школу теперь не пойду?
— Пойдешь, – сказала мама

Потом села на диван и заплакала. Я подошла к ней, она поцеловала меня в лоб. Изо рта приятно пахло халвой, в трещинках губ скопились остатки губной помады, карие глаза

стали зеленоватыми. Она отвела меня на кухню, достала из пакета откусанный кусок халвы, сказала: ешь. А сама ушла в ванную.

Я не успела съесть ни кусочка, вернулся папа, папа ругался на маму, а мама его утешала. На следующий день папа перестал надевать рубашку и выходить из дома. Он ходил только в туалет и на кухню. Еще он спал, ночью, и после обеда, отвернувшись к стене. Я спрашивала:

— Когда мы пойдем на автобус?

А он говорил:

— Никогда

Но ведь автобус все еще был, я его видела. Правда народу стало гораздо меньше. А до этого, по крайней мере раз в месяц, мы ехали с ним на этом автобусе через поле, через степные овраги, через мелкое половодье, к заводу, к нему на работу. Он надевал белый халат, очки и показывал мне вулкан из соды и уксуса, я смотрела, смеялась и так хотелось еще, еще, а теперь эти колбы стояли брошенно под толстым слоем пыли на верхней полке у нас в гараже.

Однажды, спустя год после «развала союза», ко мне снова

пришел сосед Сашка, мы украли две колбы и разбили их во дворе. Мы играли с ними, а потом хоронили возле летнего туалета.

На следующий день Сашка, как и обещал, взамен колб стащил мне бутылку пепси из дома. Мы сидели на крыльце и пили ее на двоих. У Сашки на голове была кепка синего цвета с надписью USA. Я попросила померить, он сказал, что для меня она слишком большая, но все равно надел мне на голову.

За дверью было слышно, как мать будит отца:

— Коля, вечер, вставай, потом всю ночь спать не будешь
— Я теперь свободный человек
— А есть что будем? Мне до сих пор аванс не дали

— А ты у Горбатого спроси
— А чего Горбатый? Это все Седой
— Седой в это время знаешь где был? – заорал отец

Слышно было, как он вскочил. Мать выбежала на крыльцо.

— Вы чего тут? – она прижала собой дверь

Отец кидал мебель.

Мы с Сашкой переглянулись.

— Я ее жених, – зачем-то сказал он
— Женихи не бывают ниже невест. Иди давай, жених.
— Ну, мам, – посмотрела я на нее

Отец кинул чем-то в дверь. Сашка схватил пепси и рванул к калитке. Про кепку он забыл. Кепка осталась на моей голове. Я, конечно, могла за ним побежать, но не стала, было даже радостно, что он ее забыл (хоть бы навсегда, хоть бы навсегда).

Отец толкал дверь. Мать сопротивлялась. Еще и еще. Еще. Не удержала, отошла. Отец замахнулся, но увидел меня.

— Это че у тебя? Дай сюда!
— Это Сашкина
— Дай сюда, говорю

Я протянула бейсболку отцу. Он покрутил ее в руках и кинул на грядку

— Чтобы я этого говна здесь не видел

— Ой, Коля, что ты натворил?… Зеркало-то зачем, - причитала мать, заглядывая с порога в дом

Отец был доволен собой. Закурил. Мать ушла убираться. Я сидела на крыльце рядом с отцом. Его большие волосатые икры были сбоку от моей головы. Он почесал одну икру сначала тапочком, потом рукой. Потом все смотрел на соседский двор и ухмылялся, выпуская дым.

— Во дает. Уже баню выстроил. Машка, слышь? Николаич баню выстроил. А ведь безработный, как я

Мать не отвечала. Отец кинул бычок в жестяную банку

— Тварь, – сказал он и открыл дверь, - Слышь, че говорю…

Только отец ушел, я посмотрела на отцов окурок. Он продолжал дымиться и, казалось, выкуривал сам себя. Я набрала побольше слюны, наклонилась и плюнула. Он благодарно зашипел и погас.

…

На следующий день Сашка вернулся, мы побежали бить траву палкой и показывать друг другу письки. Но мать уви-

дела меня и отругала. Сашка сказал, что больше он мне не жених. Тогда чтобы не потерять его дружбу, я сказала, что у моего папы есть иномарка, такая же как у отца Сашки. На что он возмутился:

— Не может быть, мой папа ходит «загранку» на корабле, а твой папа – сумасшедший, он строит храм и спит на навозной куче

— Он не спит на навозной куче, он спит дома

— Я видел его на прошлой неделе пьяным

— И все равно, у него иномарка

— Покажи

— Пошли

Я взяла его за руку и повела к гаражу. Папа вышел с сигаретой в зубах и подтвердил, что уже несколько месяцев так оно и есть. У него иномарка. Сашка заплакал. А папа заготовал, выплюнув сигарету.

А через год они всей семьей укатили в Германию, а мы остались, и всю весну копали грядки, удобряя навозом. Точнее копала мать, я собирала котяхи по селу, а отец, уж как есть, помогал строить храм. Пока однажды не поссорился с Анатолем.

Анатоль пришел вечером к нам, крикнул во двор:

— Николай, выходи поговорим по-мужски

А отец кричал ему с грядки:

— Убирайся отсюда, святоша.

Отрывал клубнику и кидал себе в рот

— Не дело это. Воровать – грех
— Кто не без греха, пусть бросит в меня камень
— Не ерничай, не издевайся над писанием
— Иди, иди отсюда, преподобный
— Да я пока что еще не преподобный, так, сельский дьяк
— Так и чего ты приперся тогда?

Отец подошел к забору

— На кой тебе этот титан? На кой он тебе в церкви, я спрашиваю?

Выбежала мать

— Коля, нельзя так, не ори на батюшку
— А нам ребенка мыть, – продолжал отец, -У тебя дети-то есть? А?

— Коля, отдай ему ради бога

Он отряхивал ее с плеча

— Отдай? А мне кто отдаст? Двадцать лет науке! А теперь: мы вас сокращаем! Вы больше не ценный специалист

Отец кривлялся, слюни летели у него изо рта

— Коля, ну батюшка-то при чем?
— А он бездельник! Он пошел в церковь побираться. Ему этот титан подарили! А мне кто что подарил?

Батюшка перекрестился и, понурив голову, пошел прочь

— Машину. Машину подарили, – успокаивала мама
— Дура! Дура! – орал отец, – Это все Горбатый!
— Нет, Седой! Он алкаш, по лицу видно
— Горбатый!

— Нет, Седой, – смеялась мама

Отец ворчал.

— Нет, а чего ты смеешься?

— Женя, пошли домой! Поздно. …Коля, ну что теперь делать, надо дальше жить. Вот Николаич вагончик открыл, иди к нему водителем или грузчиком.

Отец разбил новое зеркало.

Я заперлась в ванной комнате. Села на крышку унитаза и смотрела на подтекающий кран. Струйка воды касалась фаянса, шурша о поверхность, звук был тихий, мне хотелось втиснуться в него, стать его частью, но не хватало сил. Потом я взяла спички из холщовой сумки и начала жечь их одну за другой. Зажигала и подставляла под воду. Они гасли, а запах серы все еще плавал в воздухе.

Папа ворвался в ванную. Сорвал крючок. Тряс пальцем над полусогнутыми огарками в раковине, объяснял что-то важное, тыкая пальцем в них. Что он говориля не помню, помню, что пахло потом. Белая майка над синим трико дергалась, я схватила ее и посмотрела наверх. Отец замолчал, опустил руку, глаза снова стали обычными.

Он отвел меня в комнату, накрыл одеялом, поправил подушку и хрипло сказал: всё! Поднес руку к выключателю, а я, глядя на книжную полку, волнуясь, все же окликнула:

— Пап!

— М, – он нехотя повернулся
— Что это за буква К на обложке. Что она значит?

— Это классика.

— А что такое классика?

— Спи, – вздохнул отец, выключил свет и ушел.

Классика. Это типа нашей игры думала я. Когда мы прыгаем по клеткам одна нога, снова одна, потом две, потом одна, потом снова две. Потом разворот. Главное не наступить на солнце. Кто оступился, тот проиграл.

Кто оступился, тот проиграл. Повторила я вслух и незаметно заснула.

...
Эти книги все там же, на той же полке, на них все так же падает утренний свет, и буква К, потрепанная, потертая смотрит на стену напротив. В школе сказали, что К — это классика, а не классики, а в Петербурге ничего не сказали, только кивнули в сторону пьяного прощалыги, лежащего под балконом с лепниной.

В Петербурге бумажные книги я покупаю редко, нет де-

нег, а читать электронные все равно, что молиться карандашу.

8

Закончился пост. Мы все приготовили, накрыли на стол. Весна наступила давно, но знаешь какая весна тут, хуже, чем в Питере. Снег делает больно глазам, а монастырский двор кажется скатертью, люди на нем, как крошки.

Лариса и Машенька стояли на улице, замотанные в платки, терли руки, переминались. К ним подошел отец Илия, показал пальцем куда-то вглубь двора. Они повернулись, закивали. Из-за двери послышался стук ноги о другую ногу. Кто-то сбивал снег. Сбивал бодро. Наверное, дьякон. Он с утра на реку ходил, щуку поймал. Пребывал в радостном настроении.

— Ешь, на кого ты смотришь? – спросила Алла, усаживаясь за стол
— Кто там за дверью, пойду открою
— Сиди, сами войдут, не закрыто же

Алла взяла руками сочный жареный окорочок.

— Это же мясо

— Это не мясо, это петух

…

Вот он вошел. За ним завывала метель, тоже хотела войти, тянула дверь, но папа оказался сильнее. Я почувствовала свежий холодный воздух у себя на лице. Папа держал пакет и большую бутылку пепси. В пакете не было ничего интересного: глыба замерзших окороков.

Он отдал пакет матери. Мать унесла окорока на кухню. Папа разделся и спросил у меня как дела.

— Пятерка по русскому языку
— А вообще?

Он снял серую куртку и повесил на трельяжную створку.

— Не знаю, - ответила я
— Не обижают в школе? Ты скажи
— Немного
— Что говорят?
— Что дочка мента

Папа засмеялся, потом сел на корточки и сказал:

— Слышь, не мента, а милиционера. Хотя пусть и мента,

ладно. Но тебя, зато никто не обидит, поняла?

— Да, - закивала я

Мать тем временем размахивала топором над окороками. Те, что не разрубались, она доламывала сама. Потом кидала один за другим на сковородку, они шипели и огрызались, и обстреливали мать маслом.

— Пошли ставить тарелки на стол, - кряхтя, сказал папа, держа в руках тяжелый стол-бабочку

— К нам гости придут?

— Придут. Дядя Рафик придет с тетей Полей. Помнишь их?

— Ну конечно

— Конфеты тебе принесут

— А икру?

— И икру

За окном снова взвыла метель.

— Пойдем подкинем дрова в печку, - сказал папа

Мы вышли с ним в коридор и открыли заслонку. В лицо ударил пожар.

— Осторожно

Папа отодвинул меня от печи. Потом засунул туда дрова, одно за другим. Потом долго смотрел на огонь, и я тоже смотрела. Дрова были охвачены пламенем, а я теплом.

— Вы где там, бездельники? – вышла мама
— Идем, идем

Он вошел вслед за ней и слегка приобнял, прижимаясь к заду.

— Ребенок, Гриша, отстань
— Она маленькая
— Слушай, отстань, иди водку поставь на стол, скоро гости придут

Через минуту действительно пришли дядя Рафик с тетей Полей. Действительно принесли конфеты. И большую желтую банку черной икры. Я взяла это все и отнесла на кухню. Потом мы сели за стол.

— Пепси налить? - спросил отец

Я кивнула.

Мне положили окорок. Я его ела в первый раз. Кожица хрустела, сок приятно растекался во рту. Взрослые разговаривали наперебой, то и дело поднимая рюмки. Когда они съели всю курицу и выпили водку, дядя Рафик включил магнитофон.

Папа пригласил маму на танец. Он обнял ее и прикрыл глаза.

— Гриша, люди, - ворчала она

— Она ведь наша, - сказал дядя Рафик жене
— Наполовину, - ответила тетя Поля
— Все равно больше наша
— Но не твоя
— Ой, ну че ты начинаешь, а
— Ешь давай

Дядя Рафик нервно придвинул вазу с салатом. Ел тоже нервно. Что-то попадало ему в рот, что-то падало на пол, тогда он наклонялся и вытирал майонез пальцем.

— Рафаэль, аккуратней можно? - возмутилась мама
— Да помоешь, че ты. Все равно дома сидишь, щас каникулы

Она сняла с себя руки отца и вышла из зала. Папа сорвал куртку с трельяжа, створка стукнулась о стекло. Хлопнула дверь. Мама вернулась с рулоном туалетной бумаги.

— Отодвинься, - сказала она дяде Рафику

И села на ковер. Я дернула свое пальто с крючка и выбежала за папой.

Метель к тому времени успокоилась. Я застегнула пальто и встала с ним рядом. Он раскачивался на пятках и курил. Сбрасывал пепел и меня будто не замечал. Молчал, как молчат, когда все и так сказано.

— Это большая медведица, - вдруг оживился папа, - Видишь ковш?
— Угу, а это что, движется?
— Самолет
— Я никогда не летала
— Все впереди, - сказал он и кинул окурок в снег

А мне тем временем пришла в голову идиотская мысль. Сказать:

— Пап, не дуйся, мама злая, а ты хороший
— А ты же знаешь кто наша мама, а кто я? – спросил он

— Кто? – с ужасом и надеждой спросила я

— Мама – это…

— Кто кто?

— …Метиска. Это значит ее отец казах, а мать русская. У них было много детей, они жили на другом острове, сейчас их нет уже в живых, а дети разъехались. Они очень бедно жили, понимаешь, курицу не ели и пепси не пили, как ты, еды почти не было. А мать твоя была старшая, и отец ее, шестнадцатилетнюю, отдал за меня. Мне было тридцать, и я уже был участковым. На следующий год я его семье корову подарил. Просто так.

— Ну и что?

— Ничего. Учись. Стань кем-нибудь. А то будешь, как мать

— Моя мама - учитель

— Рисования. Кому это нужно?

На улицу вышел дядя Рафик

— Че тут, балдеете?

— Да так, учу дочку созвездиям

— Плохо учишь, - усмехнулся он

Папа взял меня рукой за затылок и притянул к себе. Я обняла его куртку. До сих пор помню это объятие, и запах сигарет из карманов, никогда бы не отпускала, и не отпущу,

оно всегда тут, в моей просторной квартире памяти. Он обхватил мой лоб и потрепал за челку, ладонь у папы была холодная, я уткнулась в нее лицом, папа ущипнул меня за нос и снова прижал к себе

— Пусть лучше мать ее учит

— Чему?

— Ну Элька хозяйственная. Красивая. С ебанцой правда, зато молодая

— Только что молодая, а с ебанцой это точно

— Не дает тебе, говорят?

— Заткнись, Рафик, при ребенке

— Надо было это…ну понял, силовик, бля

— Не могу с ней так

Дядя Рафик рассмеялся.

— А я бы смог. Хорошая сука, - довольно добавил Рафик

Отец помолчал, а потом подтолкнул меня к дому.

— Лиза, иди домой, помоги маме

— А я тоже красивая? – спросила я

— Конечно, дочка, иди домой, холодно…Слышь! - сказал он дяде Рафику

Дядя Рафик крикнул: че ты! А потом упал. Я обернулась. Сигарета валялась возле дяди Рафика, а сам он лежал в снегу. Отец подошел к другу и с размаху ударил ногой. Тетя Поля чуть не сбила меня с ног и кинулась на отца.

— За что ты его, Гришка?

Мать схватила меня за воротник и потянула в дом. Дверь захлопнулась.

— Давай убирать со стола, - сказала она

Голос ее казался довольным.

…

Дьякон вошел в трапезную. Потом пришла Машенька. Поставила костыли, села и уставилась на меня.

— Чего ты?

— Ты такая красивая, не то, что я. Повезло тебе, Лиза. Хотя глаза у тебя странные, узкие

— У матери такие были

— И мать у тебя жива. Я каждый день молюсь за тебя. Чтобы здоровье было крепкое

— Спасибо. Я тоже за тебя помолюсь

— Ой, да что толку. Вам не понять. Ладно, кушайте, ку-

шайте

— Маша, вот ты говоришь про мою мать, а она…

— Что? – усмехнулась Машенька

Алла прислонила жирный палец к губам. Машенька взялась за костыль. Я промолчала.

9

Вот видишь, до школы был Сашка. А после него была только ты. Жаль, что я тебе не сказала. Ничего тебе не сказала. Ну я же не знала, что так все обернется.

Солнце в Петербурге – распродажа. Надо было срочно бежать и брать его, вдыхать его вместе с воздухом, заполнять все пространство легких. Но я простыла. Лежала, как глупая деревяшка, до туалета еле вставала. А луч был на подоконнике. Стал оранжевым. Бесследно исчез, и я не успела его обвести. И письмо тебе написать не успела.

А что если я умру? Болею неделю. Если умру, хочу, чтобы меня хоронили торжественно как в селе.

…

Дед Федя, сгорбившись, вышел из дома, окликнул жену Тамару. Снова забыл, что на прошлой неделе ее забодала ко-

рова. А он тосковал, он так привык к ее крику. То на огороде помочь, то последить за супом, то за хлебом сходить. Отмахивался дурак: надо следить за счетчиками, надо чинить мотоцикл, надо достроить гараж. Теперь может строить хоть целую вечность.

Тетю Тому похоронили, а корову отдали соседке. Соседка сразу же корову зарезала и продала на базаре. В день похорон, идя в общей очереди за гробом, сельчане подходили друг к другу и жаловались: борщ был так себе, мясо сухое и старое. «Ничего и не старое», - возмущалась соседка.

— Тихо вам, - говорили мы

А сами смотрели на бедного деда Федю. Он и сам теперь был как теленок без мамки. Бежал за гробом, мыча несуразицу. Мимо детского сада, мимо рынка, мимо почты, мимо закутка с наркоманами, мимо аптечного пункта - до самого кладбища. Там он упал на гроб и закричал: Тома забери меня с собой!

Мы собрались возле могилы. Мужчины и женщины, толстые старики и хилые, грязные дети. Одни говорили: уехать бы отсюда подальше. А другие им отвечали: куда мы поедем? Кому оставим квартиры? Это наш поселок, и мы теперь тут навсегда. Что наловим, то и будем есть. Что вырастят наши

жены, то и будем собирать по весне. А те первые отвечали: ну и сидите тут в этой дыре, а мы в город уедем, будем как люди жить, не то что вы, деревенщины.

Холодный ветер смешался с дождем, одежда поменяла свой цвет. Отец Анатоль прочитал молитву, поправил повязку на лбу покойницы, перекрестил. Мокрый серебряный крест в его руках дрожал, как будто был очень тяжелым.

— Ну поехали, - сказал Иван Федырыч, - и поднял лопату.

Могилу закидали за полчаса. Потом все дружно пошли обедать к «сельской троице». Дед Федя не ел и не пил. Хотя его сестры, Рая, Фая и Тая, умоляли выпить хотя бы рюмку сливовой настойки. Он же лег на диван ничком, как ребенок, и сразу уснул. Не сняв промокшую куртку.

Глядя на стариков за поминальным столом, мне казалось, что они, существовали всегда. С начала времен. Когда твой бог только выплюнул Землю, и в этой слюне зародилась жизнь. У них было рождение, но не было смерти. Они помнили все родословные и видели человека насквозь. «Хорошая была баба эта Тома. Как нам ее не хватает. А вот та злая, в аду ей будет приличнее». Говорили они. Моя мама, слушая их, рассуждала: а вот когда я помру, сколько раз стол накроют? Ведь если только один, плохой был человек, мало при-

шли его помянуть. А когда выпьют, будут ли причитать, прижимая платочек к глазам или будут анекдоты травить, прикрываясь ладошкой. И скверный запах ладана их не смутит. И черная повязка с крестом на лбу не спугнет, не растрогает.

Мы же игрались с кутьей. Я лепила изюм между губой и носом как родинку.

— Я похожа на нашу Драконовну смотри
— Убери-убери, – шептала ты, но все равно смеялась

Потом тетя Вета растянула баян. Пела что-то про горе и про любовь, про то, что надо прощать, если любишь. Иван Федырыч попросил тетю Вету заткнуться. Из-за этого они подрались.

А мы с тобой выбежали на улицу. На улице было влажно и тихо. Коты вылизывали шерсть после ливня. Псы дремали, высунув нос из будки. Когда разбилось окно, коты разбежались, а собаки вздернули уши.

Помню ты пнула осколок стекла и сказала:

— А ведь кто-то из нас будет первой…

Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.